

Марина Удальцова

СОБАЧЬЯ ШКУРА

Марина Удальцова

Собачья шкура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39856409

ISBN 9785449605788

Аннотация

Смотреть на мир глазами собаки – как это? А что, если пёс смотрит на мир глазами человека, а от собаки у него – только шкура? Есть ли у него шанс сбросить чужую шкуру?

Собачья шкура

Марина Удальцова

© Марина Удальцова, 2018

ISBN 978-5-4496-0578-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я валяюсь на кровати, уложив вытянутую морду на передние лапы, и жду хозяйку. Хозяйку – ненавижу это слово, хотя другие только так и говорят! Диана мне не хозяйка, а уже десять лет как самый настоящий друг, верный и единственный. Я знаю ее с тех пор, как она была еще нескладной семнадцатилетней девчонкой. Для собачьих лет я должен быть совсем дряхлой псиной, но тут ведь особый случай. Я бодр и молод, и, как это часто кажется в молодости, дряхлеть собираюсь еще нескоро. Хотя другой бы не радовался в положении, в которое мне угораздило вляпаться.

В любом случае, для моей собачьей жизни в последние десять лет все складывалось более чем просто сносно. Скоро придет моя Диана – какое красивое имя! Не люблю, когда подружки зовут ее Динкой. Вообще не люблю ее подруг. Когда приходят эти бесстыжие болтушки, ведут себя, словно я пустое место. И Дина становится как будто бы на них

похожей. Что она в них нашла?.. Хорошо, что это случается нечасто.

В двери повернулся ключ... Дина. Диинна! Конечно, крикнуть я не могу, поэтому из глотки вырывается просто радостный лай. Но она меня понимает и бережно треплет за ухом. Сейчас она поужинает, и мы пойдем гулять. Люблю гулять с Диной. Во-первых, она у меня на глазах и не приходится нервничать, где она, что с ней. С тех пор, как умерла ее мама, у нее никого не осталось, кроме меня. Во-вторых, она рядом, и от этого мое почти человеческое сердце переполняется радостью и гордостью, и еще какие-то непередаваемые хорошие чувства. Ну, и в конце концов, охота ведь размять лапы. Особенно если Дина соизволит со мной поваляться и подурчиться в февральском пушистом снегу. Это, конечно, редко, но бывает, и в эти дни я особенно счастлив.

– Джек, идем, мальчик мой!

Раньше, давно совсем, меня вообще-то Васькой звали. Но я тогда другим вовсе был. Мальчик, надо же! Сколько еще лет она меня будет мальчиком звать? Дина берет поводок, и мы уходим. Поводок нужен скорее для других – им вроде как спокойнее, если я прикован к хозяйке. Ну-ну, пусть думают себе, что хотят: я им задам такую трёпку, хоть на поводке, хоть без, попробуй они обидеть мою Дину! Ну и ладно, что на поводке – зато к ней ближе.

Уже давно стемнело, и по дорогам нервно бегут огоньки машин, автобусов – как и в любой другой понедельник, все

несутся как угорелые, кто домой, кто в спортклуб, кто на свидание. А наши с Диной вечера теперь проходят в размеренном ленном темпе. С тех пор, как её бросил этот странный двуличный Паша – то есть уже почти пять месяцев – Дина избегает проводить вечера с кем-либо, кроме меня. Не буду лукавить, что это меня не радует – я как никто жду каждой минутки, которую она находит на меня. Но мне очень больно было смотреть, как она плакала тогда, когда он просто взял и свалил со своей внезапно нарисовавшейся подружкой куда-то то ли в Польшу, то ли в Венгрию – я не особо силен в географии. А Дина мне говорила, что всерьез любила. Я ревновал, конечно, но не мог злиться за это на нее. Наоборот, приходил, жалел, хотел поцеловать даже, но получалось только слизывать слёзы с её нежных щёк.

Сегодня был прекрасный вечер! От свежего воздуха сильнее захотелось спать. Она улеглась перед телевизором, ну, а меня окончательно сморило – я уместился у нее в ногах, чтобы засыпая, чувствовать ее тепло.

Похоже, так я и проспал до утра на диванчике, пригревшись возле моей Дины. Сейчас её рядом нет. Уже время будить ее, а то еще опоздает на работу. Она у нас врач-кардиолог, в прошлом году закончила ординатуру. Я не совсем понимаю смысл этого слова своими собачьими мозгами, но знаю только, что теперь она настоящий, совсем-совсем врач.

Мы выходим погулять минут на пятнадцать. Еще сонная

Дина ежится на неуютной морозной улице, кутаясь в куртку. Ладно, не буду тебя мучить, девочка, пошли домой! Тяну зубами за поводок в сторону подъезда. Ну и кто кого выгуливает, спрашивается?

– Стой, не так быстро! – со смехом говорит она, неохотно догоняя меня. Мне и самому-то не особо тепло. Зима вообще-то, у меня же нет уютной куртки.

Дина собирается на работу в клинику. Сейчас начнет, как и каждый день: краситься, кокетливо крутиться перед зеркалом в... таком, скажем, не совсем одетом виде. Я столько раз это наблюдал, что, наверное, должно было надоесть. Но всегда снова и снова украдкой подглядываю за тем, как она, полуодетая, скрупулезно и придиричиво приводит в идеальное состояние макияж, расчесывает свои длинные немного непослушные темно-рыжие волосы, вертится, примеряя блузочку, иногда снимая одну и принимаясь за поиски другой, более подходящей к наряду. Меня это всегда умиляет и повергает в какое-то медитативное состояние, но я робею, когда она замечает мои взгляды из-за угла.

Когда Дина уходит, я включаю телевизор. Она, конечно, не знает, а то решит еще, что у нее какая-то ненормально умная собака, перепугается ещё. Хорошо, что техника пошла простая – уж кнопки пульта я как-то освоил. Телевизор – практически единственный доступный источник моего образования. За целый день надоедает, конечно, уйду в другую комнату и просто слушаю. Иногда выключаю и ле-

жу в тишине. Жду Дину. Думаю... Временами, правда, хочется научиться не думать. Не знаю, другие собаки думают или так, просто ведутся на инстинкты. Судя по тому, что мы с ними не очень-то ладим, скорее второе. Когда гуляю, всегда ужасно бесит этот скандальный лай приставучих псов. Неужели не видно, что мне плевать на них? Бежали бы себе своей дорогой...

Так проходят мои дни. Уходит время моей жизни. Собачьей жизни.

Скрежет металла в дверной скважине, поворот ключа... Дииииина! ...Эй, а это еще кто?! Как ты могла, Дина? Я, конечно, многое прощу ради твоих счастливых глаз, но то, что у него на лице написано «мерзавец со стажем», ты же не могла не разглядеть? Хотя, судя по твоей учтивой улыбке и кокетливо потупленному взгляду, могла. Ну, конечно, давно ведь ты не получала шикарный букет алых роз, вычурно холеных и правильных, как и он сам.

Сейчас все исправим. На рожон я не полезу и рычать не стану. Беру поводок в зубы и начинаю тыкаться мордой в руку Дины. Ладонь пахнет этим правильным незнакомцем. Наконец она вспоминает о моем существовании.

– Джек, привет! Ой, мне еще собаку надо выгуливать. – Последняя фраза адресована этому типу, естественно. Он, похоже, понял, что на этот раз он отхватил уже достаточный кусок внимания Дины, и на больший сегодня уже губу

раскатывать не стоит. Наклоняется к ее губам, но она ловко подставляет щеку. Похоже, и сама не слишком довольна сегодняшним вечером. Но по глазам вижу, что внутренняя борьба между тем, что придумало наивное женское воображение и тем, что было на самом деле, идет в полную силу. За ним закрывается дверь. Её лицо приняло какое-то глупое, даже нездорово слабоумное выражение. Да, похоже, наспех надуманные мечты, наваянные жаждой счастья, побеждают в этой битве.

– Идем, Джек! – Тон не просто сердитый и недовольный, но даже обвиняющий. Похоже, голова Дины активно пытается вогнать все характеристики холеного франта в заранее заготовленные рамки. Причем, судя по плотно сжатым губам и морщинке на лбу, они туда ну никак не хотят влазить. Наверное, говорил что-то не то, смотрел куда-то не туда, делал как-то не так – и выбился из уже затертого до дыр сентиментального сценария, проигрывавшегося миллионы раз в её буйно цветущем, шумно бурлящем, неистово бьющем воображении еще до того, как они познакомились.

Ни слова больше не обронила мне в этот тихий вечер. Ни «спокойной ночи», ни даже улыбки. Да что там, и взглядом не удостоила. Как два чужих существа. Я пытаюсь как-то исправить угнетающее положение, лижу ее руку и ухожу спать. Величественная Дина, не шевельнувшись, сидит и смотрит куда-то мимо бубнящего ящика с картинками. Как назло, еще и слезливая мелодрама. Зло щелкает пультом в поисках

чего-то, более лояльного к ее переживаниям. Это последнее, что я вижу, скрываясь за дверью. Засыпаю мгновенно, немного обиженный за сегодняшний конец дня.

Морозное утро наполнено ароматом роз. Тех самых, что принес холеный поклонник. С этим запахом в душу врываются отчуждение и холод вчерашнего вечера. Ну, где ты, принцесса? О, судя по глазам, еще и плакала. Дурочка, ведет себя так, словно с каждым новым поклонником утекает последняя надежда на счастье. Странно, уже вроде бы взрослая, а на самом деле – такая же, какой я ее встретил целых десять лет назад! Некоторые подруги в её возрасте уже успели обзавестись семьей, детьми, карьеру сделать, кое-кто уже даже развелся, а Дина такая чистая и наивная, с этими своими огромными милыми зелеными глазами... И эти ресницы – шуршат, как крылышки крошечных шустрых птичек, когда она непонимающе и удивленно моргает... А когда плачет – перышки у этих крыльев мокнут, становятся тяжелыми и медленно опускаются в печальном величии. Совсем как сейчас.

Не утруждая себя даже налетом улыбки, Дина с неестественной поспешностью и даже каким-то отдаленным подобием раздраженности выгуливает меня. Теперь ее руки, двигаясь неловкими, яростными рывками, домывают чашку из-под соленого от слез кофе. Пытаясь быть ловкой и расторопной, она лишь груба и нелепа. Но отрешенный взгляд де-

монстрирует полное безразличие ко всему вокруг: фантазии о красивой сказке в ее голове терпят существенное поражение под натиском превосходящих числом и силой аргументов противника – здравого смысла, опыта и непонятно чего еще. Это буйство мыслей доступно мне без труда: просто Дина из тех людей, у кого на лице написано всё, абсолютно всё, что происходит у нее на сердце. По крайней мере, до последнего времени мне думалось именно так.

Наконец-то ушла. Еще чуть-чуть – и воздух бы иначе стал настолько плотным от повисших в нем мыслей и чувств, что было бы невозможно вдохнуть. Оставив сиротливую квартиру на домашнего любимца, ушла утешаться работой, придав каждому мускулу лица неприступно-гордое выражение.

Как? Нет, ну вот как так можно?! Мне три дня помнила сворованную с ее тарелки курицу, а ему простила... От его запаха уже впору в окно прыгать. Его запах – яркий, наглый, заполняющий все уголки дома, словно с порога штурмом завоевавший территорию. Всё это дополняет ароматный табачный дым недешевых сигарет, вкупе с его собственным запахом способный погружать в странное состояние, подобное гипнотическому трансу, даже меня – не то, что эту очарованную дурочку. Как животное... Как самец – пришел и сразу заявил свои права и намерения. Расчетливо и бесстрастно. Я не выдерживаю его злого взгляда. Дина вообще забыла о том, что здесь находятся целых три живых существа, хотя то, ка-

кими глазами она смотрит на прощённого ухажера, влюбленностью не назовешь даже с натяжкой. Скорее, заинтересованность, кураж, желание пробраться сквозь его гипнотические сигаретные чары. Впрочем, мне не составляет труда понять, что обладать ею и любить ее – разные вещи, и к последнему он уж точно не стремился. Ну, давай, бери её, она уже вся твоя! Я взглядом возвращаю всю его злость, гордо ворочу морду и удаляюсь. Делай, что хочешь! Совсем крышу сорвало у девочки после смерти матери. С упавшим сердцем ухожу из кухни в гостиную – у них сегодня, кажется, другая программа, так что на диване перед телевизором царствовать буду я.

Я стал безжизненной ходячей игрушкой. Сознательно. Специально для Дины. Не прибегаю встречать её. Не лаю и не лижу ей ладони. Чинно и тихо хожу рядом на поводке без попыток повалить хозяйку в снег или поиграть. Не заваливаюсь на её кровать. Поедая с миски обед, не лезу к ней в тарелку за безотказной добавкой. Не сворачиваюсь у её ног усталыми вечерами. И даже не смотрю в её глаза, хотя безумно соскучился по ним. Короче говоря, я обиделся.

Этот холёный хмырь приползает к Дине не реже двух раз в неделю. Но и не чаще. Осторожничает. Значит, пять вечеров остается на такой вот мой гордый и молчаливый ультиматум. Нельзя, правда, сказать, что до этого я блистал многословием.

В минуты безделья и молчания в голову лезут мысли. Воспоминания... Как мы встретились. Я нашел ее. Целых десять лет назад! Я тогда был бездомным запущенным псом, уже вышедшим из умильного щенячьего возраста, когда еще можно рассчитывать на лакомый кусочек от радостных ребятишек. Приходилось перебиваться случайным пропитанием. Я стащил неосторожно выложенный на скамейку в парке пакет с круассанами. Мужчина как раз собирался почитать какую-то периодическую не особо обремененную смыслом литературу, заодно и позавтракав. Но я нарушил его планы. Стыдно, конечно, но ведь его откормленная фигура не шла ни в какое сравнение с моими впалыми боками, так что это сильно успокаивало моё и без того не слишком глубокое чувство стыда за содеянное воровство. А тут она... Я несся со всех лап (толстяк, но вдруг догонит и наподдаст еще мне за его несостоявшиеся утренние круассаны), а тут она! Сидит и плачет. Не знаю, чем привлекла мое внимание, ну девчонка и девчонка такая себе семнадцатилетняя. Но в тот момент, когда я бежал со своим трофеем, она подняла заплаканные глаза – и эта мольба и бессилие меня вогнали в мгновенный ступор. Я уже почти пробежал мимо, но она приковала меня к себе этим взглядом, заставив сменить направление. До скамейки было еще несколько метров, а она уже протягивала руку, ее мягкая ладонь ждала встречи с грязной шкурой бездомного собакоподобного существа с небезгрешным прошлым. Ей нужна была

эта маленькая нежность, которой и я, признаюсь, не испытывал с непродолжительных щенячьих времен. Я положил ворованный завтрак рядом с ней, пододвинув носом. Тогда Дина (я не знал еще, что это рыжее заплаканное чудо – обладательница красивого имени Диана) раскрыла пакет и взяла два – один для себя, а другой предложила мне, умиляясь моей незначительной заботой. Как здорово было – она кормила меня со своих рук, улыбаясь и, казалось, забыв не только о слезах, но и об их причине. Это было действительно незабываемо, ведь даже будучи щенком, я не испытывал таких чувств – заботы, покровительства, дружбы и еще много другого, всего и сразу, чего я не пытался даже понять. Просто это было здорово, возможно, всего лишь оттого, что давно никто не кормил с руки грязную псину-воришку. Солнечным был не только тот день – вся моя жизнь с тех пор была словно залита яркими лучами, прогнав из души безнадежность. Хотя эта встреча не приблизила меня к разрешению моей проблемы, с Диной было лучше. Не знаю почему, просто – лучше!

Не раз еще эти глаза заставляли меня забывать всё на свете, прощая за то, в чём, если вдуматься, она не виновата. За моё ужасное обличье. В этот раз, я уверен, я тоже её прощу. Именно поэтому я избегаю смотреть ей в глаза – знаю, что, замороженный, не удержусь от неуклюжей нежности и обязательно лизну руку, потрусь об ноги или сделаю еще какую-нибудь милую глупость.

Этот поток собачьего сознания прерывают ввалившиеся в комнату Дина и этот... Как там его? Не помню даже. Я, конечно же, пустое место. Ну, не совсем еще – для Дины, наградившей меня небрежным почесыванием по уху. Я удаляюсь с их территории, окончательно признав поражение. Ухожу на кухню, но и там не могу спастись тишиной: звонкий и лучистый смех Дины – пожалуй, чуть громче и наиграннее, чем у актрис на театральных подмостках – догоняет меня в любом уголке дома, где я – уже не друг, а пленник. Впрочем, этому её бойфренду абсолютно плевать и на меня, и на деланное искусственное веселье своей женщины – он добился своего и остался праздновать шумную и пафосную победу в её спальне. Чудовищно! Все то, от чего мне некуда бежать в этих стенах – чудовищно! Впрочем, я и есть – чудовище, так что все закономерно... С усилием проваливаюсь вглубь своей памяти, чтобы не видеть и не слышать всё то, что так чудовищно в моей чудовищной жизни.

Я теряю тебя, Дина... Последние двадцать лет моей жизни – да, да, целых двадцать лет – я словно уснул и вижу кошмар! Все, что происходит со мной наяву – бред, гипноз, марево. Я знаю, что никогда не проснусь, я принял это как непоправимую данность, но десять лет назад мне показалось, что этот бред стал как будто бы не таким безысходным и темным. А теперь я вновь качусь туда, в темноту и холод кошмарного сна. Когда-то я ещё хотел вдруг проснуться однажды в холодном поту и с облегчением понять, что сон окон-

чен, а за окном – безмятежное утро, светлое и настоящее. Но этот кошмар случился со мной так много лет назад, а время закалило, выстроило стену, вытеснило последние человеческие желания. Теперь за этой шкурой – ничего более, всего лишь пёс. Почти совсем настоящий пёс.

Еще одно невыносимое, равнодушное, холодное утро. Десятиминутной прогулки хватило, чтобы понять, что настоящая весна совсем не спешит наступать. А хмурая погода на улице под стать моему настроению в последние недели. Продрогший и ещё немного сонный и вялый, валяюсь на ковре в гостиной и с раздражительным нетерпением дожидаясь момента, когда они оба уже наконец уйдут и не станут мешать моим воспалённым, кровоточащим чувствам безуспешно лечиться теплыми фантазиями. Я сердит. На всё сердит. На себя самого, на весь этот мир, на Дину и особенно на этого ворвавшегося в нашу жизнь человека. Жду... Всю жизнь жду чуда, которое расколдует меня обратно из этого состояния замкнутой безысходности. Но, похоже, чуда на мою жизнь уже однажды выпало достаточно – теперь осталось смириться и... ждать? Да, хотя бы пока они уйдут, и я снова буду гордым и непримиримым в своем одиночестве.

Радужный шум и голоса, доносящиеся из коридора, выдергивают меня из безмятежного забытья в реальность. Похоже, я задремал, провалившись куда-то в лабиринты серых, путаных дум. Вскликаю на лапы и бросаюсь встречать Дину,

спросонья позабыв о своем пакте равнодушия. В последнюю минуту спохватываюсь и возвращаюсь к избранной тактике – осторожно высовываю морду в коридор, надменно ведя взглядом по пришедшим подружкам, которые крутятся в поисках вешалки и уже с порога начинают выдавать насобиравшиеся новости, говоря все разом, причем умудряясь выпалить несметное количество слов в минуту, и при этом успевая среагировать и ответить на пылкие реплики друг друга. Три приятных женских голоса в таком исполнении словно сбиваются в гомонящий комок, беспорядочно наполненный эмоциями и переживаниями. Тяжело вздохнув, я с уже неподдельной досадой разворачиваюсь в сторону кухни, когда одна из красоток – Наташа – замечает меня.

– Джееек! Ну, привет, красавчик! Дай лапу. – Я им что, цирковой, что ли? На автомате кладу мохнатую конечность на ее раскрытую ладонь. – Вот молодец, какой умный мальчик! – Дина с Леной смеются, пока Наташа продолжает разговаривать со мной, как врач с крайне слабоумным собеседником. – Ты сегодня хорошо вел себя? – Вечер определенно не задался, отмечаю я про себя, а вслух выдаю короткий обреченный лай. Снова смех, словно я игрушка заводная. Дина наклоняется ко мне, обнимает и треплет за шею.

– Ну, наконец-то, я то я уже думала, ты разучился лаять, – я отвожу взгляд от лучистой улыбки, чтобы не сорваться и продолжить держать марку. – Ну, чего ты? – Хозяйка пытается заглянуть в мои глаза, наклоняя голову в погоне за бе-

гающим взглядом. – Обиделся, что ли? – Какая догадливая! Я упорно продолжаю воротить собачью морду в каких-то сантиметрах от Динино лица. Что-то словно сжало сердце на крошечный миг: от нее сегодня не пахнет этим стремящемся к идеалу бойфрендом, это снова моя Дина, своя и родная, как раньше. Накрепко стиснув зубы и прикрыв глаза, напрягшись и застыв на месте на долю секунды, успешно борюсь с искушением, прилагая большие моральные усилия, вырываюсь из ее рук и мчусь на кухню к миске с водой.

Кажется, их не трое, а три сотни – столько шума, смеха, голосов, столько жизни вдруг заполнило гостиную, куда ввалились близкие подружки, заняв диван. Мне доставляет какое-то нездоровое удовольствие подслушивать их сплетни и изредка мелькать в коридоре, подглядывая исподтишка. Они все – красивые, сияющие, немного вычурно манерные. Но эта безобидная игра нужна каждой из них – несмотря на то, что все они по умолчанию знают об этих напыленных масках.

– Ой, девчонки, я на десять минут – выведу Джека и заодно куплю что-то к чаю, – изрекает моя Дина и срывается с места, направляясь в коридор за поводком. Я появляюсь из моего укрытия и натываюсь на ее улыбку. Сапоги, второпях накинутая куртка – и вот мы уже выбегаем из подъезда навстречу негостеприимному мартовскому вечеру. Если бы не физиологические потребности собачьей жизни, в такие вечера ничто бы меня не заставило покинуть тёплые стены

квартиры. Покорно бреду, прикованный к Дине.

– Эй, не отставай!

Пружинистой походкой она спешит преодолеть расстояние до магазина. Привязывает меня у входа (исключительно для спокойствия окружающих, хочется верить), и через несколько минут, за которые я и подумать-то ни о чем серьезном не успел, уже подбегает ко мне, держа в руках какие-то съедобные штуки для подружек, кофе в зёрнах и большую упаковку собачьего корма (хоть я могу и едой попроще обойтись). Домой мы уже не спешим, а то моя непредусмотрительная девочка ещё растеряет всё – не догадалась сложить в один пакет и теперь жонглирует покупками в попытке донести их в целости. Меня забавляет это зрелище, и вскоре я сдаюсь в умилении, выхватывая зубами свой корм из ее рук. Тяжелый! Теперь прохожие уж точно решат, что я дрессированный пес. Облегчив ношу, Дина прибавляет скорость, да вот только я-то теперь еле ковыляю. Наконец заходим домой, где ее подружки, похозяйничав, вскипятили воду и заварили чай. Судя по сервировке, они собираются пить его из рюмок... Что ж, значит, уже часам к девяти вечера всё их шумное веселье плавно перейдет в меланхоличное обсуждение сердечных секретов, и мне предстоит узнать много нового и занимательного из жизни этих трех наивных мечтательниц и еще полусотни обсуждаемых лиц. Если, конечно, я не усну раньше от перенасыщения этой ненужной информацией.

Разместившись в гостиной, неугомонные девчонки заводят живой и энергичный разговор. Я растягиваюсь на кухонном полу поближе к двери так, чтобы торчащие уши не пропустили ни одной подробности из жизни Дины. Меня привлекают эти разговоры, кроме того, я всегда узнаю что-нибудь интересное о ее работе – все три работают в одной больнице, правда, в разных отделениях. Наташа – анестезиолог в отделении политравмы, поэтому инициатива расслабиться за рюмкой обычно принадлежит ей – трудная и гнетущая работа не наилучшим образом сказывается на психике хрупкой девчонки. Монотонный веселый гомон, периодически прерываемый звонким смехом все нарастает, их не обремененный содержанием разговор повергает меня в сладкую дремоту... Но тут коллеги перешли на громкий шепот, и я, прежде слушавший через слово, теперь жадно ловлю каждый звук. Не пойму, как они вышли на эту тему, но Лена принимается зловещим заговорщицким тоном делиться впечатлениями о новом нейрохирурге, и тут я уж не пропускаю ни слова, внимаю, как завороченный. Вжавшись в пол и вытирая его золотистой шкурой, подползаю ближе к двери, но так, чтобы подруги из комнаты меня не заметили – боюсь спугнуть то ценное, что могу сейчас услышать.

– ...Вообще сама странная такая, я с ней пытаюсь даже просто в коридоре лишний раз не сталкиваться. А говорит, как будто гипнотизирует...

– А, я с ней, кажется, столкнулась на той неделе в буфете

те! И как к ней больные только идут, она же вся... потусторонняя какая-то! – Да не перебивай ты, Диночка, твой пес сейчас впервые, может быть, от Лены твоей что-то важное услышит!

– Не то слово – потусторонняя! Она вообще как не от мира сего. В самом худшем смысле этого слова. Волосы черные, и сама она вся черная какая-то, темная...

– Ах-ха, вы прям ведьму какую-то рисуете! – О нет, Наташа, не спугни только! Я весь в напряжении, чутье меня не подводит: я уже знаю, что хочу услышать.

– Ну ведьму не ведьму, а рассказывают у нас... В общем, не знаю, реальный случай или как, но...

– Ну, что, что? – Дина нетерпелива, но её нетерпение просто ничто по сравнению с тем, как я жду продолжения этих сплетен.

– Ну, короче, пациентка у нас была, лет 20, так вот в немилость она чего-то к этой Розе... – это зовут ее так невинно, что ли? Да уж! – ...попала, хотя, если честно, действительно девуля та еще была. Капризная, все ей не так, все плохие, стервочка в общем нормальная такая.

Я аккуратно заглядываю в комнату. На лицах Дины и Наташи застыли заинтересованно-обескураженные выражения. Моё же сердце сейчас просто проломит ребра. Я боюсь спугнуть этот такой важный для меня рассказ, боюсь неаккуратным движением прогнать это оцепенение, навеянное словно бы зловещим присутствием этой Розы. Она вся

витают в воздухе, здесь есть её глаза, её уши, её дьявольский смех... Ну давай же, Лена, скажи, я же знаю, это она!

– Ну так в день ее выписки чего-то поскандалили они окончательно, и эта больная выскочила за ней в коридор с криком «Змея!». И тут... На глазах у всех, и персонала, и больных, Роза как развернется резко к ней! У нее даже голос как будто поменялся, чужой какой-то стал, текучий и шипящий, как будто и правда змеиный. И прямо при всех она шипит на нее в ответ «Сама ты гадюка! Скользящая и ползучая!» Развернулась и ушла. У нас так челюсти и отвисли. Ну, та в шоке, конечно, жалобу куда-то там писать собралась... Да только потом, ну это я уже достоверно не знаю, ее ж выписали в тот день, говорят, пропала та девчонка. Пришла домой, кто-то к ней из друзей зашел еще, а наутро никого в доме. Пропала как не было. Только змею нашли в пустой квартире!

Я мигом вскакиваю на лапы и так и замираю, стоя у двери в гостиную. Меня накрыло сразу всё, что так долго томилось внутри – и тяжелые обрывочные воспоминания двадцатилетней давности, и многолетнее ожидание, все эти несбывшиеся надежды, плавно и неотступно перетекшие в глухую обреченность – и теперь вот это, ставшее последней каплей. Это какая-то молчаливая истерика, самая настоящая человеческая истерика, в момент собравшая мельчайшие крупинцы всего людского, что во мне ещё оставалось и учинившая эмоциональный бунт. Казалось бы, я нашел её, я должен ра-

доваться – лаять, скакать, вилять хвостом – но лапы словно приросли к порогу комнаты, а глаза не видят ничего перед собой, настолько все мое существо обращено внутрь себя. Я тяжёлым усилием выуживаю из самых заброшенных уголков этой чудовищной души всё о ней – воспоминания, домыслы, фантазии, надежды – всё, что связывает меня с прошлым, таким далеким и человеческим, словно уже и не моим. Включив всю свою волю, я возвращаюсь в реальность, отложив мысли об услышанном до более здорового момента. Прислушиваюсь к разговору подруг. Наташу разморило, и она вяло и сонно поддерживает не особо клеящийся разговор, глядя перед собой мутным взглядом. Дина задумчиво смотрит перед собой, растерянно возвращая сознание из мистического транса обратно в реальность, а Лена, вполне быстро совладав с собой, переключает болтовню в безобидное женское русло: куда-то в сторону шмоток и косметики и немного раздражаясь, что её монолог никак вновь не станет нормальной беседой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.